

Молюсь за Африку

Аксенову – 70 лет. Он все чаще думает о проблемах третьего мира

когда висит надпись – 2002 – 20 авт. – С. 8.

Игорь Сид

Сегодня Василию Аксенову исполняется 70 лет. Юбилей совпал с переездом писателя из Америки на постоянное жительство во Францию (Биарриц). На недавнем авторском вечере в Крымском клубе, посвященном его переселению «обратно» в Европу, Аксенов неожиданно для аудитории много говорил о проблемах Черного континента, которые, по его словам, все сильнее волнуют его в последние годы. Позаимствовавший с удовольствием согласился поучаствовать в фотоконкурсе «Я – африканец» в рамках программы «Звезды против расизма». С Василием Аксеновым беседует директор сервера африканских новостей africana.ru.

– Василий Павлович, спасибо за согласие на «очернение» вашего образа, на эксперимент с портретом.

– Портрет ничего не получился, но я стал похож на историка Роджера Уилкинса, моего чернокожего коллегу по Университету Джорджа Майсона. Показываю нашей секретарше распечатку: «Кто это, по-вашему?» «О, мистер Уилкинс!» (Роджер, между прочим, большой человек, он занимал в свое время важный пост в команде одного из американских президентов).

– Когда Африка возникла в вашей жизни впервые? Были в детстве какие-то впечатления, формировавшие отношение к ней?

так есть. Например, я ничуть не возражал бы, если бы мой сын Алексей женился в молодые годы на чернокожей девушки!

Я сам с молодости всегда был поклонником джаза. А для человека джаза немыслимо плохое отношение к чернокожим – родоначальникам джаза. С их музыкальностью, с их чувством ритма и свинга... Но и спорт для меня всегда играл важную роль. А в спорте, в баскетболе, во многих других видах лидируют очень часто именно люди черной кожи... И как при этом к ним негативно относиться!

– Что говорит в этом отношении ваш американский опыт?

– Я много общуюсь с афроамериканцами и вижу, что среди них много нормальных, отличных ребят. Много чернокожих работает в «Скорой медицинской помощи». Когда кому-то становится плохо, то еще до врачей прилетает огромный пожарный автомобиль – это называется «парамедики», парамедицина. Такой медицинский спецназ! Многие из них прекрасные специалисты. В стране масса черных полицейских, работающих не за страх, а за совесть. Много чернокожих и среди интеллектуалов, в академическом мире.

Американские черные – люди, преодолевшие наследие рабства, преодолевшие белый расизм. Однако нередко здесь проявляется и перегиб, оборотная сторона расизма – в сознание их оказывается вмонтирована идея бесконечной борьбы двух рас или превосходства черной расы, и это очень деструктивно и неприятно...

– Кстати, их президент-реформатор Фредерик Де Клерк даже внешне удивительно похож на Горбачева...

– Я верю, что они идут к гармонии расовых отношений. Не знаю, что хранят их на грани национальной катастрофы, гражданской войны. Это какое-то чудо. Я просто молюсь за них...

– Нельсон Мандела, человек, благодаря всей жизни которого это стало возможно, он ведь в каком-то смысле святым!

– Да, святой... Возможно, это что-то объясняет...

В целом же Африка находится в ужасающем положении! СПИД в Малави... Страшные засухи во многих странах. И страшные кадры с дистрофическими детищами, которым впихивают какую-то кашицу...

С этим надо наконец кончать. Мы должны всегда помнить об Африке. Развитым странам надо больше заниматься помощью Африке! Больше посыпать добровольцев. Это грандиозно, когда прибывает целая армада кораблей или самолетов с помощью от разных стран! Меня так воодушевило зрелище, когда, например, юаровские вертолетчики спасали людей во время наводнения в Мозамбике... Это долг тех, кто благополучен. И Россия должна стремиться выйти на авансцену в борьбе за Африку – не в империалистическом, а в гуманистическом, даже идеалистическом смысле...

В истории цивилизации никогда не было такой развитой и мощной благотворительной системы, системы безвозмездной помощи страждущим, какая существует теперь. ЮНИСЕФ, различные фонды... И я верю, что Россия тоже сможет учредить свой корпус мира и прийти в Африку – без хитрого советского империалистического расчета...

– В свое время неизгладимое впечатление на отечественного читателя оказала ваша повесть «Апельсины из Марокко». Солнечные фрукты из-за железного занавеса символизировали и смену идеологии, и шанс соприкосновения со всем миром...

– Марокко возникло здесь почти случайно. На самом деле название было задумано «Апельсины из Яффы». Но было понятно, что опубликовать вещь под таким заглавием при тогдашнем официальном отношении в Союзе к Израилю абсолютно невозможно...

– Неизбежный вопрос: бывали вы сами в Африке?

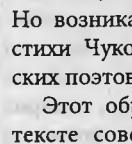
– В Африке я не так давно побывал первый раз, но – в Египте. Это было великолепное путешествие по Нилу, по местам древних цивилизаций. Но согласитесь, Египет – это все-таки не Африка. Не совсем Африка.

Однако я собираюсь в Африку. Весьма вероятно, что в не очень отдаленном времени я побываю в ЮАР... Но об этих планах пока рано говорить.

Из досье «НГ»

Василий Павлович Аксенов родился 20 августа 1932 года в Казани. По образованию – врач. Один из лидеров «молодежной прозы» шестидесятых. В 60–70-е автор написал множество повестей «Коллеги», «Затворенная бочкомата», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», романов «Пора, мой друг, пора», «Золотая наша железка», «Ожог», повестей для детей «Мой дедушка – памятник», «Сундучок, в котором что-то стучит», экспериментальной прозы «Поиски жанра». Эмигрировал в США в 1980 году. Среди написанного за годы вынужденной эмиграции – повести «Бумажный пейзаж», «В поисках грустного Эбби», романы «Остров Крым», «Желток яйца», «Скажи изюм». В 1990 году ему возвращено советское гражданство. В девяностые годы написал романы «Новый сладостный стиль» и «Кесарево свечение», роман-трилогию «Московская сага», книгу рассказов о сегодняшней России «Негатив положительного героя», многочисленные эссе. Все, написанное Аксеновым, переведено на европейские языки. Сегодня писатель живет на два дома – во Франции и в России.

Москва – огромный город белых!

– Были скорее всего! Вспоминаются игрушки, целлулоидные негры... Благодаря им у меня, как, видимо, у всех советских детей, вырабатывался весьма позитивный взгляд на Африку. И это совпадало с общей советской пропагандой, которая впитывалась нам в сознание. Нам твердили: африканцы страдают от гнета, борются за свободу... Но возникала Африка и через стихи Чуковского, других детских поэтов.

Этот образ Африки в контексте советской пропаганды был, конечно, очень стереотипный. Но – симпатичный. Потом уже в школе были стихи Маяковского – «Мистер Твистер», где этот мистер в конце падает в обморок при виде негра, олицетворяющего подлинную свободу. Позже пошли более взрослые книжки – «Хижина дяди Тома», «Приключения Гекльберри Финна», где этот негр, беглый раб, – как его звали? Том?

– Том, а может быть, Джим. Негры в книжках обычно Томы или Джимы. Хорошо помнится, между прочим, народная песенка про Мадагаскар в вашем рассказе «На полпути к Луне»: «Негр Томми саженого роста...» Там тоже очень добрый негр.

– В том-то и дело, что негр не может быть ни злым, ни коварным, а только бедным и угнетенным! И ему обязательно нужно помочь. Сейчас я понимаю, что этот советский взгляд на черных, как ни странно, был на самом деле особой формой расизма! Мы отказывали неграм во многих присущих человеку, в том числе гадских, качествах. Для нас негр не мог быть не только сильным, победителем, но и агрессивным, хамом, убийцей!

Еще позже была такая книжка – «Питер Мориц, юный бур из Трансвааля». Там, правда, черная раса выставлялась в негативном свете.

– А это у вас и сверстников не находило никакого отклика?

– Лично я никогда расистских мотивов в себе не испытывал. Даже в Америке, когда сталкивался с какими-то неприятными моментами... Я, как американцы говорят, color blind – «слепой на цвет». И я никогда не думал, хорошо это или плохо, – просто

Все же в общении с черными гораздо больше позитивного. Очень много смешного: это обычно весьма жизнерадостные люди, у которых отличное чувство юмора. В моей профессорской практике был забавный эпизод.

Ко мне стал ходить один черный студент, который при этом не проявлял, скажем так, рвения к учебе и на занятиях откровенно зевал, разевая такую красную пасть... Я ему говорю: «Не теряй времени даром, может, тебе лучше, как говорится, drop out?» И вдруг он мне звонит как-то: «Это правда, что Пушкин – черный?» – «Ну?» – «Как я счастлив, как я счастлив!» – «Вот видишь, как мало тебе нужно...» И он стал ходить прилежно на занятия и учиться. И вопросительно так на меня смотрел, когда я про очередного нашего классика рассказывал: «а этот часом не черный?» В общем, у нас юморные отношения сложились... (смеется). – И.С.

А недавно я оформлял документы на машину. И высказывает тут черный человек в галстуке бабочкой и на чистом русском: «Товарищ, как я рад, что вы наш клиент!» Произношение, как у москвича, – учился у нас лет десять назад.

– Использует язык в семье?

– Нет, просто помнит! Какие-то слова забыл, но язык и произношение – хранит!

Я когда долго не бываю в России, то по возвращении одно из самых сильных ощущений от Москвы – это что я попал в огромный город белых! Да-да, здесь именно невероятно мало и черных, и азиатов, по сравнению с другими большими городами мира. Таких городов, как Москва, почти не осталось в мире. И я думаю, что русские должны открыть шире свои двери для людей других рас и, может быть, даже стать в авангарде этого сближения...

– А как вы относитесь к историческому эксперименту, который совершается в Южно-Африканской Республике?

– О, ЮАР – это чудо, я не подберу здесь другого слова... Они идут тем же путем сложных и опасных преобразований, что и мы, но с гораздо меньшими потерями!